

На правах рукописи

ПЕТУХОВА Мария Евгеньевна

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЦЕРКОВНОЙ ЛЕКСИКИ С ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань, 2003

Работа выполнена на кафедре русского языка Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Э.А. Балалыкина

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
К.Р. Галиуллин;
кандидат филологических наук, доцент
Л.С. Андреева

Ведущая организация: Волгоградский государственный университет

Защита состоится « ____ » _____ 2003 года в ____ часов на заседании специализированного Совета по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, Казань. ул. Кремлевская, 18

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского казанского государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2003 года.

Ученый секретарь

специализированного Совета

кандидат филологических наук, доцент

А.В. Шарипова

Предлагаемое диссертационное исследование посвящено изучению функциональных особенностей церковной лексики с предметным значением в русском языке. Объектом исследования являются эволюция семантики и особенности функционирования тематической группы «церковная лексика с предметным значением». В качестве предмета изучения выступают существительные, обозначающие предметные (здания, помещения, утварь, облачение, лица) реалии церковной тематики, и их дериваты; в редких случаях анализу подвергаются словосочетания, ставшие устойчивыми выражениями и вступающие с вышеназванными существительными в синонимические отношения. Область наших интересов ограничивается христианской лексикой русского языка. За пределами работы остаются наименования, относящиеся к религиозной сфере, но не являющиеся церковно-бытовыми: библейская лексика, названия религиозных книг, слова, обозначающие религиозные мировоззренческие понятия и т.д. Предметом исследования являются лишь церковные слова с конкретной семантикой; абстрактные существительные, служащие названиями обрядов, служб, таинств, молитв, постов, праздников и т.д., не рассматриваются.

Своеобразие церковной лексики с предметной семантикой во многом определяется спецификой денотативной сферы, которую эта лексика обслуживает. Русь приняла христианство в X веке, к этому времени православие представляло собой уже сформировавшуюся религию со сложившимся церковным устройством и устойчивым аппаратом церковных наименований. Процесс принятия Русью религии сопровождался проникновением в русский язык набора лексем, обозначающих атрибуты данной религии. Таким образом, тематическая группа церковных слов с предметной семантикой не складывалась постепенно, а появилась сразу как группа лексических заимствований. Первоначально её составляли в основном греческие заимствования, но затем данный круг слов пополнился как заимствованиями из других языков, так и словами, образованными на основе собственно русского языка.

Изучение функционирования тематической группы церковных слов с предметным значением является в настоящее время актуальным по ряду причин. Прежде всего, необходимо отметить, что на современном этапе развития семасиологии наблюдается все более возрастающий интерес как к общетеоретическим, так и к практическим проблемам, связанным с системностью лексики. Ряд исследователей (Ф.Н. Филин, Ю.С. Сорокин, Ю.Д. Апресян и др.) считает, что системность как свойство присуща лишь абстрактной лексике, а конкретная лексика (её тематические группы) лишена всяких возможных её признаков в силу гораздо более тесной связи с явлениями объективной действительности. В самом деле, наиболее сильным объединяющим началом той или иной тематической группы является общность денотатов, что, тем не менее, не приводит к отрицанию системной организации входящих в нее лексем. Слова, входящие в одну тематическую группу, вступают в разнообразные (синонимические и антонимические) отношения, и, более того, их развитие часто обуславливается едиными языковыми закономерностями. Системный подход, получивший в последнее время широкое распространение в лингвистике, является наиболее приемлемым и при изучении указанного пласта лексики - церковных слов с предметной семантикой.

По мнению некоторых учёных (И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Колесов и др.), синхронический подход к изучению языка «давно себя дискредитировал» (Колесов, 1999, с. 7). Всё это говорит о необходимости системного изучения церковной лексики в диахроническом аспекте, то есть описания семантической структуры данной тематической группы на основных этапах ее эволюции (XI – XVII вв., XVIII – XIX вв., XX – XXI вв.).

Научная новизна исследования. На фоне всеобщего интереса к проблемам окказионализмов, новых заимствований, в частности американизмов, мало внимания уделяется словам возвращённым. Таким возрожденным пластом лексики можно считать церковные слова. Вероятно, отделение церкви от государства и фактическое гонение на веру со стороны официальных властей явилось причиной того, что в лингвистической науке тематической группе церковных лексем до последнего времени практически не уделялось внимания. Имеющиеся исследования либо содержат сведения о семантике отдельных слов (В.В. Виноградов, Е.Г. Ковалевская, Л.С. Ковтун, В.В. Колесов, Е.С. Копорская, Т.В. Ткачева, П.Я. Черных и др.), либо анализируют группы лексем, функционирующие в определенный период истории языка (Е.А. Биржакова, Л.А. Войнова, Е.В. Какорина, В.Г. Костомаров, Л.Л. Кутина и др.). Церковные слова с предметной семантикой не подвергались исследованию как самостоятельная тематическая группа, не являлись предметом ретроспективного рассмотрения. Предлагаемая диссертация представляет собой первый опыт системного изучения указанной группы лексем, которое необходимо для определения динамики ее развития на семантическом и функциональном уровнях. В работе проанализирована семантическая структура исследуемой тематической группы как в древнерусском, так и в современном русском языке.

Цель исследования - подробное описание церковных лексем с предметной семантикой, функционирование которых относится к различным периодам развития языка, и определение особенностей и основных тенденций этого функционирования в тот или иной период.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда конкретных задач:

- 1) определить круг лексем, составляющих тематическую группу церковной лексики с предметной семантикой, на основании детального анализа лексики, зафиксированной словарями различных периодов, и письменных памятников разного времени создания; выявить структуру данной тематической группы;
- 2) проанализировать семантику указанных лексем в русском языке XI – XVII вв.; описать отношения (сближение или противопоставление отдельных словоупотреблений), в которые вступали эти слова;
- 3) охарактеризовать структурные и семантические изменения, произошедшие в пределах данной лексической группы в период XVIII – XIX вв.;
- 4) проанализировать функционирование рассматриваемых слов в русском языке XX – XXI вв. и в языке современного богослужения; определить роль экстралингвистических факторов в области их функционирования;
- 5) выявить основные тенденции в семантическом развитии данных лексем.

Круг поставленных задач и полученные в ходе работы результаты определяют её теоретическую и практическую значимость. Результаты исследования могут быть использованы при разработке теоретических проблем лексикологии и семасиологии как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Проведенное исследование позволило определить тенденции семантического развития церковной лексики с предметным значением, как общеязыковые, так и специфические для данной группы, и указать причины этих расхождений. В данной диссертационной работе выявлены семантические направления изменений лексем названной группы как слов, связанных с социолингвистическими, экстралингвистическими факторами. Предпринята попытка рассмотрения лингвистических единиц с точки зрения социологии, в связи с деятельностью человека в определенной общественной, в данном случае церковной, сфере.

Использование материалов диссертации возможно при подготовке общих лекционных и специальных курсов по лексикологии русского языка, при составлении учебных пособий по русскому языку, в процессе обучения языку специальности как русских, так и нерусских студентов; в лексикографической практике - при оформлении словарных статей в словарях русского языка различных периодов.

Источниками фактического материала явились «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского, «Словарь русского языка XI – XVII вв.», «Полный церковно-славянский словарь», «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», «Словарь русского языка XVIII в.», «Толковый словарь русского

языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова (издания разных лет), «Толковый словарь русского языка конца XX века»; «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера; «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной, «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова, «Словарь русской фразеологии» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой, а также «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. Иллюстративный материал для изучения особенностей функционирования церковных слов с предметным значением был получен методом сплошной выборки из разножанровых произведений различных периодов. Это и памятники литературы Древней Руси: Изборник Святослава 1076 года, «Слово о законе и благодати» Иллариона, Успенский сборник, «Повесть временных лет», «Житие Феодосия», «Поучение Владимира Мономаха», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Письма Ивана Грозного», «Житие протопопа Аввакума» и др.; и произведения писателей и поэтов XVIII – XIX вв. – М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и др.; и современная литература и публицистика (данные газет «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Народная газета», «Советская Чувашия» и др. и журналов «Наука и религия» и др.).

Методы исследования. Специфика практического материала и необходимость его анализа потребовали использования нескольких методов исследования языковых единиц: дистрибутивного, описательного методов, метода компонентного анализа, метода сравнительного анализа, метода наблюдения и сопоставления слов, а также анализа словарных дефиниций. На основе сплошной выборки из указанных источников определялся состав тематической группы церковных слов с предметной семантикой для каждого из описываемых этапов. При рассмотрении начального этапа функционирования указанных лексем был применен метод этимологического анализа. Для описания исследуемой группы на других этапах развития использовался метод синхронического среза.

Поставленные в работе цели и задачи определили структуру работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и библиографии. Глава I посвящена определению структуры тематической группы церковно-бытовых наименований, анализу семантики входящих в нее лексем в древнерусскую эпоху. В главе II раскрываются изменения в составе указанной группы слов и в семантике отдельных её членов в период XVIII – XIX вв. Глава III содержит данные о функционировании рассматриваемых слов на протяжении XX – XXI вв., о влиянии экстралингвистических факторов на этот процесс, об основных тенденциях в развитии церковной лексики в церковно-славянском и современном русском языках.

Главы несоразмерны по объему. Это связано с рядом причин. Как уже отмечалось, тематическая группа церковных слов с предметным значением сложилась уже в древнерусский период, поэтому первая глава, содержащая детальную характеристику отдельных слов, подробный анализ семантики основного состава исследуемой группы, массу лексического и иллюстративного материала, значительно превосходит по объему остальные главы диссертации, отличается от них по структуре. Последующие главы (II, III) посвящены описанию семантических и функциональных изменений, общих для определенных групп церковных слов; здесь описание того или иного процесса сопровождается наиболее показательными примерами.

Апробация работы. Основные положения и результаты данного диссертационного исследования были представлены на международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, «А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков» (Казань, 26 – 28 мая 1998 г.), на региональной научно-практической конференции «Инновационные методы преподавания в высшей школе» (Чебоксары, 20 – 21 апреля 1999 г.), на региональных научных конференциях, посвященных Дням славянской письменности и культуры (Чебоксары, 24 – 26 мая 1999 г., 18 – 19 мая 2000 г.), на III научно-богословской конференции «Христианское просвещение и русская культура» (Йошкар-Ола, 23 – 25 мая 2000 г.), на международной научной конференции «Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика» (г. Казань, 11 – 13 декабря 2001 г.), на международной научной конференции, посвященной 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина «Г.Р. Державин в новом тысячелетии» (г. Казань, 11 – 12 ноября 2003 г.); а также изложены в публикациях.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и указывается степень изученности избранной темы исследования, ставятся цели и задачи работы, определяются методы исследования, отмечается научная новизна и практическая значимость диссертации, мотивируется выбор круга источников.

В **Главе 1** «Лексико-семантическая характеристика церковной лексики с предметным значением в древнерусском языке (XI – XVII вв.)» раскрывается структура данной тематической группы, анализируется семантика рассматриваемых лексем в древнерусском языке. К церковной лексике с предметным значением следует отнести следующие лексико-семантические группы (ЛСГ): 1) названия церковных помещений, сооружений, поселений; 2) обозначения предметов церковной утвари, облачения, культовых атрибутов; 3) наименования лиц по отношению к христианской вере: представителей духовных санов, чинов, сословий, верующих и неверующих людей и иноверцев, монахов и мирян.

Названия помещений, сооружений, поселений – очень важный пласт лексики, относящийся к церковной сфере. В древнерусскую эпоху семантика многих церковных слов была синкретичной. При этом все компоненты значений присутствовали в лексемах одновременно, но в определенных контекстах на первый план выступало то или иное содержание слова. Наибольшим семантическим объемом отличались слова первой ЛСГ, которые использовались как для наименования указанных реалий, так и как обозначения других денотатов (ЦЕРКОВЬ, ДОМЪ, ХРАМЪ, ОБИТЪЛЬ, КЛИРОСЪ, КЛѢТЬ и др.). Среди этих слов были и заимствованные слова, и русские образования. При этом у иноязычных лексем в русском языке в большинстве случаев наблюдалось расширение значения (ЦЕРКОВЬ: греч. *κυριακον* «дом Господень» → дрр. «1) христианский храм, 2) собрание верующих во Христа, 3) совокупность служителей церкви, 4) вероисповедание, 5) верующий человек»; КЛИРОС: греч. *κλήρος* «клир, духовенство, священнослужители» → дрр. «1) клир; 2) низшие чины церкви; 3) место для певчих в церкви» и др.), хотя в отдельных случаях наблюдался и обратный процесс, в результате которого образовывались терминологичные наименования (ЛАВРА: греч. *λαύρα* «многолюдное место» → дрр. «известный, прославленный монастырь»; АМВОНЪ: греч. *αναβαλινω* «восхождение, восход, возвышенное место» → дрр. «возвышенная площадка в церкви перед иконостасом, с которой произносятся проповеди» и др.). Иногда значение того или иного слова включало в себя представления о нескольких зданиях, тогда минимальный контекст, необходимый для уточнения семантики, создавался путем прибавления определения. Как наименования церковных зданий и поселений подобные лексемы воспринимались лишь при наличии соответствующего определения (ДОМЪ БОЖИИ, ОБИТЪЛЬ ЧЮДОТВОРЦА и др.).

Церковные лексемы с предметным значением, обладавшие большим семантическим объемом, характеризовались возможностью образовывать обширные словесные ряды (ЦЕРКОВЬ – ХРАМЪ – ДОМЪ – БОЖЬНИЦА – СВѢТИЛИЩЕ – СОБОРЪ; МАНАСТЫРЬ – МНИШНИЦА – ОБИТЕЛЬ – ЛАВРА; ОЛТАРЬ – ЖЕРТВЕННИКЪ – ПРЕСТОЛЬ; КЕЛИЯ – КЛѢТЬ – КЛѢТКА и др.). Но приведенная семантическая соотнесенность слов обладала определенным своеобразием. Словесные пары и ряды возникали, как правило, в результате переосмысления заимствованных слов и реалий. Схему таких словесных рядов можно представить так: *заимствованное слово в русской огласовке – калька – название, присвоенное заимствованному денотату на русской почве по отличительным признакам или предназначению*. Эти слова, будучи разными по происхождению, в определенный момент своего существования сближались в конкретном словоупотреблении и становились взаимозаменяемыми. Однако время подобных отношений было ограничено: слова, которые являлись дублирующими наименованиями, утрачивались. Оставался один, редко два варианта. Другие лексемы, совпадающие лишь в некоторых употреблениях, семантически окончательно расходились. Иногда причиной распада значения были формальные признаки: фонетические особенности, как у слов ХРАМЪ – ХОРОМЪ, или разные словообразовательные элементы, как в словах КЛЕТЬ – КЛЕТКА. Семантически соотнесенные наименования одних и тех же церковных реалий в различных течениях христианства составляли наиболее устойчивые словесные пары и ряды (ЦЕРКОВЬ – КИРХА – КОСТЕЛЬ).

Не менее важным пластом церковной лексики являлись **наименования предметов церковной утвари** в широком смысле (включая названия деталей интерьера, атрибутов определенных обрядов и предметов облачения служителей). Все предметы церковной утвари по выполняемым ими функциям можно разбить на 3 группы: 1) предметы церковного интерьера; 2) атрибуты обрядов; 3) облачение церковно- и священнослужителей. Но, несмотря на различие денотативной семантики, наименования всех этих предметов обладали большим количеством общих признаков. Происхождение и функционирование данных названий не зависит от того, к какой группе относится денотат. Церковная утварь практически не использовалась вне церковного быта. Этим во многом объяснялась главная особенность большинства слов данного класса – специальная сфера употребления, что определило некоторые лингвистические характеристики слов этого класса. Прежде всего, это небольшой семантический объем. Названия церковной утвари, функционирующие в древнерусском языке, являлись в основном греческими заимствованиями (АНАЛОЙ, ИКОНОСТАСЪ, ИНТИДИЯ, КИВОРЪ, КИВОТЬ; АГИАСМА, АНАФОРА, КАДИЛО, ПОТИРЪ; ЕПИГОНАТИЙ, ЕПИТРАХИЛЬ, КАМИЛАВКА, ФЕЛОНЬ и др.). Группа собственно русских образований не столь многочисленна (БОЖНИЦА, ГОЛУБЕЦЪ, КРУТА, РАСПЯТИЕ; КУПЕЛЬ, КИСТЫЦА, ПОДРУЧЕННИКЪ, ОРЛЕЦЪ; НАБЕДРЕННИКЪ, НАДРАМНОЕ и др.). Это объясняется тем, что практически все атрибуты христианского культа заимствовались, а как следствие, проникали в русский язык и их названия. Однозначность, терминологичность подобных греческих слов, которые связывались в сознании говорящих только с конкретными церковными реалиями, вполне соответствовала их функции – обозначения предметов с узкой сферой использования. Значения названий церковной утвари редко выходят за рамки конфессионального употребления. Даже если подобными названиями становятся слова, ранее обозначавшие бытовые, светские реалии, то, начиная использоваться для наименования предметов церковной утвари, эти лексемы часто утрачивают свое прежнее нецерковное употребление и переходят из общеупотребительной лексики в специальную (КРУТА, ОПЛЕЧЬЕ, РИЗА и др.).

Терминологичность и специфичность лексики данного класса обусловило то, что большинство ее членов не имели семантических соответствий в языке, т.е. для обозначения какой-либо реалии использовалось только одно слово (чаще греческое по происхождению). Лишь некоторые наименования подобного рода являлись исключением: ИКОНА – ОБРАЗЪ, ПРОСФИРА (ПРОСВИРА) – ПРОСКУРА, РАСПОНЪ – РАСПЯЛО – РАСПЯТИЕ – КРЕСТЬ, АНАЛАВЪ – ПАРАМАНДЪ, ФЕЛОНЬ – ПОЛИСТАВРИЙ, ЕПИГОНАТИЙ – НАБЕДРЕННИКЪ, ОМОФОРЪ – НАДРАМНОЕ.

Следующий класс церковной лексики с предметным значением составляли **названия лиц по отношению к христианской вере**. Разнообразие денотатов определило деление всех слов, относящихся к данной ЛСГ, на три подгруппы: 1) характеристика по занимаемому положению, или собственно наименования лиц по должностям, санам и чинам; 2) характеристика по отношению к религиозному учению, или наименования лиц по вероисповеданию; 3) характеристика по местонахождению и образу жизни.

Первая из них характеризовалась наибольшей консервативностью. Это объясняется тем, что сама церковная иерархия отличается большой устойчивостью. Все слова данной подгруппы можно разбить на **наименования церковнослужителей** (греческие заимствования: ЕКЛИСИАСТЬ, ПАРАМОНАРЬ и др.; русские образования: ВОЗГЛАСНИКЪ, СВЪЩЕНОСЕЦ, ОРЛЕШНИКЪ и др.) и **названия санов священнослужителей**. Все священнослужители разделены на 3 иерархии: дьяконскую, священническую и святительскую. Каждая иерархия включает несколько санов, которые также располагаются от низшего к высшему в пределах своей группы. В подавляющем большинстве наименования санов являлись греческими заимствованиями. Многие из них практически сразу осваивались языком: образовывали схожие словообразовательные цепочки: *название лица* → *притяжательные прилагательные* → *название сана и церковно-административной территориальной единицы, находящейся в ведении данного духовного лица* (АРХИЕПИСКОПЪ → АРХИЕПИСКОПИЙ, АРХИЕПИСКОПЛИЙ, АРХИЕПИСКОПОВЪ, АРХИЕПИСКОПСКИЙ → АРХИЕПИСКОПИЯ, АРХИЕПИСКОПСТВО; МИТРОПОЛИТЬ → МИТРОПОЛИТОВЪ, МИТРОПОЛИТСКИЙ, МИТРОПОЛИЧИЙ, МИТРОПОЛИЧЕСКИЙ → МИТРОПОЛИТСТВО, МИТРОПОЛИЧЕСТВО). Постепенно малоупотребимые варианты утрачивались, и закреплялся лишь один, который уже сохранялся на протяжении веков.

На бытование различных наименований чинов духовных иерархий значительное влияние оказывали экстралингвистические факторы. Одним из определяющих среди них было положение того или иного чина, той или иной иерархии в общей системе санов. Наименования чинов низшей иерархии не получили достаточного распространения (чаще всего всех их именуют ДИАКОНЪ), а для называния чинов высшей редко использовались общие наименования (для данной группы более характерными являются слова, обозначающие конкретный чин: ЕПИСКОПЪ, АРХИЕПИСКОПЪ, МИТРОПОЛИТЪ, ПАТРИАРХЪ). Промежуточное положение занимает средняя иерархия. Для наименования ее представителей одинаково частотным было применение и общих (ПРЕСВИТЕР, СВЯЩЕННИКЪ, ПОПЪ и др.), и конкретных названий (ПРОТОИЕРЕИ, АРХИМАНДРИТЪ и т.д.). Правда, можно заметить, что наиболее часто конкретные обозначения использовались в тех случаях, когда речь шла о представителях монашеского священства, тем более, что подобные наименования обозначали не просто сан, но и подчеркивали принадлежность к черному духовенству, а это было очень важно для книжников и читателей того времени.

При возникновении наименований духовных санов и должностей в языке сталкивались две противоположные тенденции: 1) характерное для древнерусской эпохи стремление к выстраиванию обширных словесных рядов из семантически соотнесенных слов. Возникновение дублирующих наименований шло несколькими путями: появление калек (АРХИЕРЕИ – ВЛАДЫКО, ИГУМЕН – НАСТОЯТЕЛЬ), сближение различных заимствований (ПРЕСВИТЕР – ИЕРЕИ – ПОП, АРХИЕРЕИ – АРХИЕРАРХЪ) и реализация русских словообразовательных моделей при уже имеющемся заимствованном наименовании (ПРЕСВИТЕРЪ – СВЯЩЕННИКЪ – ПРЕСТОЛЬНИКЪ – КЛИРИКЪ); 2) терминологизирование наименований, мешающее им вступать в указанные отношения с другими словами. Результатом взаимодействия этих тенденций становилось временное семантическое сближение определенных слов и даже выстраивание словесных рядов, которые довольно быстро распались и члены которых дифференцировались по значению.

Ко второй подгруппе относятся слова, характеризующие людей по отношению к вероисповеданию. Отношение к вере может быть двояким: человек может быть ее сторонником (то есть исповедовать данную религию) или противником (то есть принадлежать другой вере или вообще быть неверующим). Многие наименования верующих и неверующих людей составляли однокоренные пары: ВЕРНИКЪ – НЕВЕРНИКЪ, КРЕСТЬЯНИНЪ (ХРИСТИАНИНЪ) – НЕКРЕСТЬЯНИНЪ (НЕХРИСТИАНИНЪ), КРЕЩЕНЫЙ – НЕКРЕЩЕНЫЙ. Большинство наименований сторонников и противников христианского вероучения являлись собственно русскими образованиями и реализовывали словообразовательные модели русского языка: 1) ВЕРНИКЪ, БЕЗБОЖНИКЪ, ВРАЖЕБНИКЪ, ЗЛОВЕРНИКЪ, ИНОЯЗЫЧНИКЪ и др. (наименование лица по присущему ему качеству); 2) БОГООТСТУПНИКЪ, БОГООТМЕННИКЪ, ОБРЪЗАНИКЪ, ОТЛУЧЕНИКЪ, РАСКОЛЬНИКЪ, БЕСОМОЛЕЦ, БОГОБОРЕЦ и др. (наименование лица по совершаемому действию) и т.д.

Необходимо отметить, что в количественном отношении наименования противников христианства преобладали над наименованиями сторонников, вероятно, в силу того, что исповедание христианства признавалось нормой и не вызывало эмоциональной реакции. Напротив, отвержение данного вероучения считалось фактом необычным, поэтому для обозначения человека неверующего существовали многочисленные эмоционально окрашенные русские и заимствованные существительные: ПОГАНИНЪ, ВРАГ и т.д., которые со временем начали обозначать недостойных в нравственном отношении людей. Названия иноверцев приравнивались к названиям неверующих с эмоциональной точки зрения. Об этом говорят определения, которые употреблялись с подобными номинативами: ОКАЯНЬНИИ, ЗЪЛЫИ, ЛЮТЫИ и др. Контекстуальными синонимами указанных лексем служили не менее выразительные слова: СОБАКА, ЗЛОДЪИ, ИЗМЕННИКЪ и т.д.

Третью подгруппу составляют слова, характеризующие то или иное лицо по образу жизни. Как и предыдущая, данная группа строилась на противопоставлении наименований людей, живущих в миру, наименованиям людей, ушедших в монастырь.

Подобные названия образовывали обширные ряды схожих и противоположных по семантике слов. Слова, используемые для обозначения людей, постриженных в монашество (МНИХЪ – МОНАХЪ – ИНОКЪ – ОБЫЩЕЖИТЕЛЬ – БРАТЬ – КАЛУГЕРЪ – ЧЪРНОРИЗЫЦЪ – ЧЪРНЫЦЪ), соотносились со словами с противо-

положным значением (ЛАИКЪ – МИРЕЦЬ – МИРЯНИНЪ – БЕЛОРИЗЕЦЬ – БЕЛЕЦ).

Данные ряды не просто являлись наиболее многочисленными, вместе с этим они характеризовались достаточной устойчивостью. Многие лексемы являются употребительными и в современном русском языке, более того, сохранились их синонимические и антонимические отношения.

Наименования лиц, посвятивших свою жизнь Богу и ушедших из мира, имели соответствующие обозначения для лиц женского пола. Словам МНИХЪ, МОНАХЪ, ИНОКЪ, БРАТЬ, ЧЪРНЫЦЬ, ЧЪРНОРИЗЬЦЬ соответствовали слова женского рода - МНИШИЦА, МОНАХИНЯ, ИНОКИНЯ, СЕСТРА, ЧЪРНИЦА, ЧЪРНОРИЗИЦА. При этом существительные женского рода имели не меньшее распространение, но частотность мужского и женского вариантов наименования не всегда совпадали. Так, например, широко распространенное слово МНИХ по частоте использования сближалось со словом ЧЪРНОРИЗИЦА, а лексема МНИШИЦА встречается в текстах крайне редко.

Если сравнивать по частоте употребления не схожие, а противоположные по значению слова, то можно выявить следующую закономерность: наименования монахов в текстах использовались чаще, чем наименования людей, не принадлежащих монашествующей братии. Для обозначения мирян более актуальными оказываются наименования по другим признакам (по профессии, социальному статусу, особенностям внешности и т.д.). Указанные же лексемы являются востребованными только при противопоставлении мирян монахам.

Церковная лексика с предметным значением достаточно неоднородна как по происхождению слов, составляющих эту тематическую группу, так и по времени их функционирования в качестве конфессиональных терминов. Одни слова сохраняют принадлежность к церковной лексике вплоть до наших дней, другие выходят за рамки церковного употребления. Но при всем разнообразии анализируемых лексем целесообразно их комплексное рассмотрение в силу ряда причин: принадлежность слов к церковной тематике; предметность семантики; наличие общих, то есть характерных для церковной лексики с предметным значением в целом, языковых процессов.

Функционирование церковных лексем с предметной семантикой на протяжении XI – XVII веков представляет интерес в плане соотношения явления и слова, то есть особого внимания требует денотативный аспект значения, поэтому необходимо детальное рассмотрение отдельных слов. Одно и то же явление могло выражаться несколькими словами, различными по происхождению, устойчивости и фонетическому и словообразовательному облику. Особенности функционирования, частотность употребления того или иного слова во многом определялись экстралингвистическими факторами. Поэтому в ходе анализа исследуемой лексики складывается представление о жизнедеятельности человека в церковной сфере, что позволяет восстановить картину существования человека в мире церкви во всем многообразии (одежда, утварь, помещения, здания, поселения, сам человек по отношению к христианской церкви).

Глава 2 «Семантические процессы в пределах церковной лексики с предметным значением (XVIII – XIX вв.)» содержит сведения об изменениях в составе исследуемой тематической группы и в семантике её членов в период XVIII – XIX вв.

Именно с этого периода язык церковных книг (церковно-славянский) начинает восприниматься как специализированный, отличный от русского литературного. Судьба церковных слов с предметным значением в этих языках различна: анализируемая лексика в составе русского языка переживала значительно более серьезные трансформации, особенно в области семантики; в то время как церковно-славянский язык характеризовался намеренным консерватизмом в области церковных слов. Хотя в период XVIII века расхождения в семантике и функционировании рассматриваемых лексем в пределах русского и церковно-славянского языков были еще незначительны.

Процесс постепенной секуляризации литературы (возникновение и преобладание светских жанров) наряду с «обмирщением» (по терминологии В.В. Виноградова) всего образа жизни оказал большое влияние на функционирование церковных слов в русском языке. Исследуемые лексемы в конце XVIII века и в XIX веке уже не столь употребительны. Отход произведений от религиозной тематики влечет за собой ослабление инте-

реса к церковной лексике. Церковные лексемы еще не стали словами пассивного запаса, но уже наметилась тенденция их перехода из центра активного запаса на его периферию. С утратой популярности церковных слов связано сокращение синонимических рядов. Для обозначения определенных понятий сохраняются не все церковные слова, многие лексемы воспринимаются как архаичные, перестают активно использоваться в языке данного периода.

Русский язык петровской эпохи был стилистически не организован. Новые основы нормализации «русского языка» были заложены М.В. Ломоносовым, который определял принадлежность текста тому или иному стилю (высокому, посредственному или низкому) по степени участия славянизмов. Церковные лексемы, как атрибуты конфессиональных текстов (то есть относящиеся к книжно-славянской традиции элементы), признавались лексикой высокого стиля независимо от происхождения (как греческие и церковно-славянские заимствования, так и образованные на русской почве слова). Исключение могут составлять слова, обозначающие наименования людей, не верующих в Бога. Оценочный компонент значения (негативная коннотация), присущий этой группе слов с древнерусского периода, не позволял отнести их к высокой лексике. Так, слова БЕЗБОЖНИК, БОГОХУЛЬНИК, БОГОПРОТИВНИК, ВАРВАР и др. не могли служить для повышения слога.

По направлению к XIX веку церковные лексемы в определенной степени утрачивают свою стилистическую маркированность. Подчеркнутую стилистическую окрашенность слова данной тематики сохраняют при появлении или актуализации у них нецерковных значений. При этом активизируются изначально присутствующие в структуре их значений семантические компоненты, обуславливающие последующую контекстуальную реализацию лексико-семантических вариантов с нейтральным значением, которые существовали у данных слов еще до использования их в качестве наименований церковных реалий. Еще в древнерусскую эпоху подобные значения были вытеснены церковными, стали периферийными, но не были утрачены полностью. Указанные лексико-семантические варианты церковных лексем в XVIII веке приобретают определенную стилистическую окраску, воспринимаются как элементы высокого стиля и сохраняют данную характеристику до XX века. Слова РИЗА, ПАСТЫРЬ, ОБИТЕЛЬ, ПЛАЩАНИЦА и др. могут выступать в зависимости от контекста либо как церковные термины, либо как высокие синонимы нейтральным словам нецерковного содержания (РИЗА – ОДЕЖДА, ПАСТЫРЬ – ПАСТУХ, ОБИТЕЛЬ – ЖИЛИЩЕ, ПЛАЩАНИЦА – ПОКРЫВАЛО и др.).

Помимо актуализации уже известных нецерковных значений указанных слов другие церковные наименования переживают процесс расширения значения, увеличения семантического объема. В основном этим изменениям подверглись греческие заимствования, поскольку церковно-славянские и особенно русские образования в большинстве своем обладали сложной семантикой. Греческие же заимствования изначально были призваны обслуживать сферу религии, они функционировали в русском языке как терминологические обозначения культовых предметов, духовных санов, зданий для богослужения и т.д. Именно терминологичность являлась их основной характерной чертой в древнерусский период, что мало способствовало развитию их семантики. В XVIII – XIX веках, в русле общеязыкового процесса расширения семантики лексических единиц, создались условия для появления новых, построенных на ассоциативном переносе, значений и у прежних церковных терминов. Как правило, подобный перенос сопровождался переходом слова в разряд абстрактных существительных. Появляющиеся значения в большинстве своем являлись фразеологически связанными и эту связанность не преодолевали (АЛТАРЬ ПОБЕДЫ, ХРАМ ЛЮБВИ и др.).

Наряду с увеличением семантического объема некоторые ЛСГ церковной лексики с предметным значением в XVIII – XIX веках переживают и противоположный процесс, связанный с сужением и терминологизацией значений указанных слов. Прежде всего это касается наименований духовных санов и чинов (ДИАКОН, ПРОТОДИАКОН, ИЕРОДИАКОН, ИЕРЕИ, ИГУМЕН, АРХИМАНДРИТ, ЕПИСКОП, МИТРОПОЛИТ и др.). Изначальная терминологичность этих лексем в период XVIII – XIX веков окончательно закрепляется. Терминологизации в определенной степени подвергаются почти все церковные слова: в конфессиональном значении они, как правило, являются терминами, о чем свидетельствуют и особенности их функционирования (стремление к преодолению синонимии, малое количество дериватов, ограниченность в формировании словообразова-

тельных цепочек, утрата в значительной мере эмоциональной окраски). При этом взятые в нейтральном своем значении, данные лексемы не обнаруживают подобной функциональной специфики.

Петровская эпоха характеризовалась большим наплывом заимствованных слов, однако исследуемая группа слов претерпела в этом отношении весьма незначительные изменения. Вероятно, причиной послужило то, что понятийная сторона христианства была уже сформирована к XVIII веку. В язык проникают, главным образом, слова, обозначающие те же христианские реалии, но не в православии, а в католичестве и протестантизме (АББАТ, ПРОТЕСТАНТ и др.), и совсем незначительная часть общехристианских наименований (АТЕИСТ).

Процесс заимствования порождает стремление к увеличению словообразовательной активности слов русского языка. Церковная лексика, особенно с предметным значением, еще в древнерусский период реализовывала различные словообразовательные модели. Однако если сосуществование различных вариантов одного и того же слова к началу XVIII века еще сохраняется, то к концу XIX века оно практически преодолевается. Пережив процесс активизации различных словообразовательных моделей в рамках древнерусского периода, предметная церковная лексика практически не подвергается изменениям в словообразовательном плане на протяжении XVIII – XIX веков.

Глава 3 «Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском литературном языке XX – XXI вв. и современных богослужебных текстах». Тематическая группа «церковная лексика» интересна тем, что на протяжении XX – начала XXI веков влияние на ее развитие не языковых процессов, а экстралингвистических факторов было более сильным, если не сказать решающим. Взаимоотношения светской власти и церкви кардинально менялись. Можно говорить о двух периодах взаимодействия государства и церкви и соответственно о двух противоположных тенденциях в развитии и функционировании церковной лексики в указанный период:

1) советский период (20-е – 80-е гг.), в рамках которого наблюдалось полное отвержение церкви и вместе с ней всех её атрибутов, что вело, естественно, к изменениям и на уровне языка;

2) постсоветский период (80-е годы – наши дни), когда интерес к религии и ее языковому наполнению возвращается, более того, он превращается в моду.

Началом *советского периода* можно считать 1917 год, Октябрьскую революцию, которая привела к тому, что идеология большевизма с её отвержением религии стала господствующей. Практически все слова церковной тематики получили в словарях того времени пометы «церковное» или «устаревшее» (принимая во внимание отношение в советском обществе к церкви, эти пометы можно считать идентичными).

Особенности функционирования церковной лексики в советский период можно представить следующим образом:

1) рассматриваемая тематическая группа существенно сократилась в количественном отношении: во-первых, многие наименования перешли в разряд историзмов (АМВОН, АРХИПАСТЫРЬ, КАМИЛАВКА, КИВОТ, ПЛАЦАНИЦА и др.); во-вторых, часть лексем была утрачена языком (ИНТИДИЯ, ГОЛУБЕЦ, КРУТА, ЕПИГОНАТИЙ и др.); в-третьих, некоторые члены ранее обширных синонимических рядов становились архаизмами, в результате чего эти синонимические ряды значительно сокращались (МОНАСТЫРЬ – ЛАВРА – ОБИТЕЛЬ → МОНАСТЫРЬ; МОНАХ – ЧЕРНОРИЗЕЦ – ЧЕРНЕЦ – ИНОК – БРАТ → МОНАХ – БРАТ и др.);

2) слова, оставшиеся в активном запасе языка, подверглись, за небольшим исключением, переосмыслению и либо вышли за рамки церковного употребления (ХРАМ, АЛТАРЬ и др.), либо приобрели обобщенное, лишенное детализации значение (ПОП, СВЯЩЕННИК и др.);

3) сохраняют частоту употребления лишь те церковные наименования, которые вошли в состав различных устойчивых оборотов (ХРАМ НАУКИ, АЛТАРЬ ПОБЕДЫ, КУРИТЬ ФИМИАМ, ЖИВЫЕ МОЩИ и др.). Своеобразное отношение к религии привело к росту в советский период числа фразеологизмов, включающих в свой состав рассматриваемые слова, к проникновению указанных оборотов в разговорный язык, к активизации их использования;

4) эмоционально-экспрессивная оценочность церковной лексики поменялась на диаметрально противоположную по своему характеру (БЕЗБОЖНИК, АТЕИСТ, БОГОМОЛ и др.). Иногда оценочный компонент приобретали слова, ранее считавшиеся нейтральными (ВЕРУЮЩИЙ и др.).

С *середины 80-х годов* государственная политика России в отношении религии кардинально меняется. Постепенно отношение государства к церкви становится не столь агрессивным. И снова мы наблюдаем, как изменения внеязыкового характера влияют на функционирование лексики, в данном случае церковной. Изменение роли церкви как социального института в жизни общества создает новые условия для функционирования анализируемых лексем. Церковные слова приобретают большую частотность, становятся общеупотребительными. В последнее время церковно-славянская и конфессиональная лексика, и в частности церковные слова с предметной семантикой, активно используются современными масс-медиа. Можно отметить три возможных типа реализации церковных слов:

1) актуализация первичного, то есть церковного, значения лексем (при этом слово перестает быть устаревшим и используется в целях нейтральной номинации);

2) использование данных лексем в переносном значении (например, приобретение нового значения словом ХРАМ, которое реализуется в сочетании «дорога к храму»);

3) оживление старых, как правило, стертых метафор и создание новых метафорических образов с целью повышения слога (ХРАМ НАУКИ и др.) или, напротив, использование лексем в целях создания иронии (ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРЕСВИТЕР, КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛТАРЬ и др.).

Одним из ярких примеров современного использования церковной лексики является игра слов. Этот прием фиксируется на всех уровнях языка, в том числе и на фонетическом («Алатырь – наш алтарь»).

Церковная лексика получила широкое применение и в сфере торговли. Возрастающий интерес к церковной тематике явился причиной того, что подобные термины все чаще употребляются в рекламе, в названиях тех или иных продуктов. Например, церковное слово МОНАХ и его производные, включенные в названия вин: «Душа монаха», «Монастырское подворье», «Монастырская изба». Церковная лексика широко используется при создании рекламных слоганов. Например: «Прикоснись к тайне древних монастырей» (вино «Душа монаха»), «Сия каша во благо живота всех верующих» (овсяные хлопья «Экстра»). Несмотря на то, что рассматриваемая нами лексика обладает предметным значением, она характеризуется большим объемом культурных ассоциаций, фоновых знаний, которые актуализируются при ее использовании.

Функционирование указанных слов в современном русском языке настолько разнообразно, что некоторые из терминов вошли в состав жаргонной лексики, которая включена в «Большой словарь русского жаргона» (БСЖ). Такие слова, как ЕРЕТИК, КРЕСТНИК, МОНАХ и др. в этом словаре имеют значения, совершенно не совпадающие с их церковным трактованием. Так, ЕРЕТИК – это «политзаключенный, диссидент», КРЕСТНИК и КРЕСТНЫЙ – «прокурор», МИТРОПОЛИТ – «1) главарь преступной группировки; 2) председатель суда; 3) судья», МОНАХ – «1) *устар.* ссыльный в Сибирь; 2) осужденный за отказ от службы в армии по религиозным соображениям; 3) материально обеспеченный вдовец; 4) четверть водки», ПАТРИАРХ – «судья» и т.д. Если наличие мотивированности одних наименований не вызывает сомнений, то внутренняя форма других основывается на субъективных ассоциациях определенной группы людей и может быть предложена лишь как гипотеза.

Семантика церковных терминов в пределах *церковно-славянского* языка остается неизменной. Все изменения, связанные с функционированием церковных слов с предметным значением в богослужебной литературе (некоторое уменьшение частотности употребления, затемнение семантики и т.д.), появляются по причинам внешним, не касающимся внутренних процессов, происходящих в церковно-славянском языке. В основном эти изменения вызваны тем, что церковно-славянский язык воспринимается сейчас уже иначе, чем раньше.

В Заключение излагаются основные выводы и наблюдения, сделанные в работе.

Лексико-тематическая группа церковных слов с предметным значением прошла длительный путь эволюционного развития, претерпев значительные изменения как в количественном отношении, в плане уменьшения состава группы, так и в качественном аспекте, на семантическом уровне.

Своеобразие функционирования церковной лексики с предметным значением на различных этапах развития русского языка можно представить следующим образом: первоначально на первый план выходит денотативное значение слов, поскольку практически все церковные лексемы характеризовались терминологичностью, которая препятствовала различным семантическим процессам → затем церковная лексика приобретает стилистическую маркированность, и отнесенность к высокому стилю во многом определяет характер использования подобных слов → и, наконец, на современном этапе сфера употребления указанных лексем значительно расширяется под действием экстралингвистических факторов, церковные слова с различной коннотацией используются на разных уровнях языка как самостоятельно, так и в составе устойчивых оборотов. Несмотря на наличие устойчивой тенденции снижения частоты употребления рассматриваемых слов по направлению к современности, в русском языке последних лет церковные термины используются достаточно активно. Показателями возрождения данных лексем могут служить следующие характеристики, присущие им в современном русском языке:

- 1) устойчивость употребления (церковные слова с предметной семантикой входят в активный запас русского языка и отличаются высокой частотностью использования);
- 2) многовалентность (способность сочетаться с большим кругом слов различной стилистической отнесенности);
- 3) способность к семантическому развитию (в основном это связано с расширением семантики: уменьшение количественного состава церковной лексики с предметным значением сопровождается увеличением ёмкости семантики этих слов).

Таким образом, предметная церковная лексика, являясь неотъемлемой частью современного русского языка, в функционально-семантическом плане продолжает своё развитие. ~~В связи с этим падает культурно-общественное значение греческого языка. Знание его уже не считается обязательным и даже признается ненужным для интеллигента XVIII в. За счет греческого языка, по мнению В.В. Виноградова, возрастает культурно-образовательная роль языка латинского, который был интернациональным языком средневековой европейской науки и культуры. Вытеснение греческого языка латинским, вероятно, стало следствием того, что религия перестала играть ведущую роль в формировании общественного сознания и постепенно вытеснялась наукой и культурой. Возможно, именно с этим связан тот факт, что при большом наплыве латинских заимствований (непосредственно или через посредство других языков) тематическая группа «церковная лексика» не пополнилась большим количеством слов, проникновения конфессиональной латинской лексики в русский язык можно считать единичными. Латинский язык в ту эпоху выступал не как язык католицизма, а как язык науки и культуры.~~

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Церковная лексика в творчестве А.С. Пушкина // А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков. – Казань: Изд-во КГУ, 1998 – С. 125 – 127.
2. Христианская лексика в русской фразеологии // Славянские чтения: Материалы докладов и сообщений региональной научной конференции. – Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 1999 – С. 51 – 54.
3. К вопросу об истории синонимии наименований церковных зданий и сооружений // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. Материалы региональной научной конференции. I. – Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 2000 – С. 247 – 253.
4. Синонимическое взаимодействие названий богослужебных зданий в древнерусском языке // Христианское просвещение и русская культура: Материалы III Научно-богословской конференции. – Йошкар-Ола, 2001 – С. 150 – 154.
5. К истории взаимодействия наименований лиц в христианском культе // Сборник трудов молодых ученых. – Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 2000 – С. 56 – 62.

6. Функционирование наименований православных священнослужителей высшей иерархии в древнерусском языке // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. – Казань, 2001 – С. 89 – 90.

Подписано в печать 13.11.03.

Тираж 100 экз.